

Соловьев Владимир Сергеевич

**Еврейство и христианский
вопрос**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
В57

В57 **Владимир Сергеевич С.**
Еврейство и христианский вопрос / Соловьев Владимир Сергеевич – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 72 с.

ISBN 978-5-519-74702-8

Религия -- Христианство -- Христианство и другие религии -- Христианство
и иудаизм

ISBN 978-5-519-74702-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

эли, да и въ другихъ странахъ финансы и большая часть періодической печати находятся въ рукахъ евреевъ (прямо или косвенно). Но это господство евреевъ не только не опровергается, но прямо подтверждаетъ мое указаніе, что христіанскій міръ никогда не относился къ іудеямъ по-христіански. Ибо развѣ современная терпимость, уступчивость и даже подчиненіе евреевъ происходитъ изъ христіанскаго убѣжденія и чувства? Совершенно напротивъ: все это происходитъ не изъ широты нашихъ религіозныхъ воззрѣній, а изъ отсутствія всякихъ религіозныхъ воззрѣній, изъ полного индифферентизма въ дѣлѣ вѣры. Не христіанская Европа терпитъ евреевъ, а Европа безвѣрная, Европа лишенная своихъ жизненныхъ началъ, Европа разлагающаяся. Іудеи живутъ не нашей нравственной силой, а нравственной, или лучше безнравственной, слабостью.

Говорятъ о еврейскомъ вопросѣ; но въ сущности все дѣло сводится къ одному факту, вызывающему вопросъ не о еврействѣ, а о самомъ христіанскомъ мірѣ. Этотъ фактъ можетъ быть выраженъ и объясненъ въ немногихъ словахъ. Главный интересъ въ современной Европѣ — это деньги; евреи мастера денежнаго дѣла, естественно, что они господа въ современной Европѣ. Послѣ многовѣкового антагонизма христіанскій міръ и іудейство сошлись наконецъ въ одномъ общемъ интересѣ, въ одной общей страсти къ деньгамъ. Но и тутъ между ними оказалось важное различіе въ пользу іудейства и, къ стыду минно-христіанской Европы, различіе, въ силу котораго деньги освобождаютъ и возвеличиваютъ іудеевъ, а насъ связываютъ и унижаютъ. Дѣло въ томъ, что евреи привязаны къ деньгамъ вовсе не ради одной ихъ матеріальной пользы, а потому, что находятъ въ нихъ нынѣ главное орудіе для торжества и славы Израиля, т. е. по ихъ воззрѣнію для торжества дѣла

Божія на землѣ. Вѣдь кромѣ страсти къ деньгамъ у евреевъ есть и другая еще особенность: крѣпкое единство всѣхъ ихъ во имя общей вѣры и общаго закона. Только благодаря этому и деньги идутъ имъ въ прокъ: когда богатѣть и возвеличивается какой-нибудь іудей — богатѣть и возвеличивается все іудейство, весь домъ Израилевъ. Между тѣмъ просвѣщенная Европа возлюбила деньги не какъ средство для какой-нибудь общей высокой цѣли, а единственно ради тѣхъ матеріальныхъ благъ, которыя доставляются деньгами каждому ихъ обладателю въ отдѣльности. И вотъ мы видимъ, что просвѣщенная Европа служитъ деньгамъ, тогда какъ іудейство заставляетъ служить себѣ и деньги и преданную деньгамъ Европу. Современныя отношенія передовой Европы къ іудейству представляютъ собою какъ бы пародію одного пророческаго образа: десять иновѣрцевъ хватаются за полу одного еврея, чтобы онъ ввелъ ихъ — но не въ храмъ Іеговы, а въ храмъ мамонны; а до Іеговы имъ такъ же мало дѣла, какъ и до Христа.

Итакъ, нечего просвѣщенной Европѣ пенять на мракъ среднихъ вѣковъ съ ихъ религіознымъ фанатизмомъ, нечего ей хвалиться своею вѣротерпимостью. Вѣротерпимость хороша со стороны вѣрующаго, когда она происходитъ изъ полноты вѣры, изъ сознанія высшей нравственной силы; а со стороны невѣрующаго вѣротерпимость есть только выраженіе его невѣрія. Если мнѣ все равно — что христіанство, что іудейство, что идолопоклонство, то какъ же мнѣ и умудриться быть нетерпимымъ въ вѣрѣ и въ чемъ достоинство моей терпимости? Какъ ни далеко отъ христіанскаго совершенства религіозный фанатизмъ, но онъ все-таки есть нравственная сила, только въ неразвитомъ, грубомъ видѣ, сила неуправленная и потому склонная къ злоупотребленіямъ. Это во всякомъ случаѣ

есть величина положительная, между тѣмъ какъ религіозный индифферентизмъ показываетъ отсутствіе сердечной теплоты и одушевленія, это есть нравственная точка замерзанія, холодъ духовной смерти. А когда при равнодушіи общества къ высшимъ идеямъ является крайнее равнодушіе къ низшимъ интересамъ и матеріальнымъ благамъ, тогда ясно, что наступило социальное разложеніе.

Итакъ, по отношенію къ іудейству христіанскій міръ въ массѣ своей обнаружилъ доселѣ или ревность не по разуму или дряхлый и безсильный индифферентизмъ. Оба эти отношенія чужды истинно христіанскаго духа, не находятся на высотѣ христіанской идеи. Но уже съ XIII вѣка встрѣчаемъ мы единичныя попытки со стороны выдающихся дѣятелей и мыслителей христіанскаго міра, попытки иного, истинно христіанскаго отношенія къ іудейству. Эти попытки хотя и не привели ни къ какимъ явнымъ результатамъ, тѣмъ не менѣе они составляютъ начало того истиннаго разрѣшенія еврейскаго вопроса, которое уже предсказано ап. Павломъ въ посланіи къ римлянамъ (гл. XI).

Признавая только такое религіозное разрѣшеніе «еврейскаго вопроса», вѣруя въ грядущее соединеніе дома Израилева съ православнымъ и католическимъ христіанствомъ на общей имъ теократической почвѣ, я имѣлъ случай высказать въ краткихъ чертахъ это свое убѣжденіе съ кафедры. Теперь я рѣшаюсь дать болѣе обстоятельную обработку и большую публичность этому взгляду на іудейство. Въ такомъ рѣшеніи меня подкрѣпляетъ между прочимъ внушительный голосъ одного изъ нашихъ архипастырей, за которымъ я могу слѣдовать безъ опасности какого-либо соблазна.

Въ апрѣлѣ настоящаго года преосвященный Никаноръ, епископъ херсонскій и одесскій (авторъ замѣчательнаго и еще недостаточно оцѣ-

неннаго труда по религіозной философіи), про-
изнесъ въ Одессѣ одушевленное и истинно-хри-
стіанское слово о тѣснѣйшемъ родствѣ между
ветхозавѣтной и новозавѣтной религіей. Главная
мысль прекраснаго этого слова — единеніе іудей-
ства съ христіанствомъ не на почвѣ индиффе-
рентизма или какихъ-либо отвлеченныхъ при-
циповъ, а на реальной почвѣ духовнаго и есте-
ственного родства и положительныхъ религіоз-
ныхъ интересовъ. Мы должны быть едино съ
іудеями, не отказываясь отъ христіанства, не
вопреки христіанству, а во имя и въ силу хри-
стіанства, и іудеи должны быть едино съ нами
не вопреки іудейству, а во имя и въ силу истин-
наго іудейства. Мы потому отдѣлены отъ іуде-
евъ, что мы еще не вполне христіане, и они
потому отдѣляются отъ насъ, что они не вполне
іудеи. Ибо полнота христіанства обнимаетъ со-
бою и іудейство, и полнота іудейства есть хри-
стіанство.

Мои мысли объ іудействѣ, сѣдующія ниже,
составляютъ прямое дополненіе къ тому, что
высказано преосвященнымъ Никаноромъ, а по-
тому его слово явилось мнѣ какъ наилучшее
ободреніе и поводъ къ изложенію этихъ мыслей
въ печати.

Судьбы еврейскаго народа, на нашъ взглядъ,
связаны главнымъ образомъ съ тремя фактами
его исторіи. Первый фактъ тотъ, что Христосъ
по Матери своей былъ іудеемъ и христіанство
вышло изъ іудейства; второй фактъ тотъ, что
большая часть іудейскаго народа отвергла Хри-
ста и заняла рѣшительно враждебное положеніе
относительно христіанства; третій фактъ тотъ,
что главная масса еврейскаго народа и религіозный
центръ новѣйшаго іудейства находятся не въ
Западной Европѣ, а въ двухъ славянскихъ стра-
нахъ — Россіи и Польшѣ. Первымъ изъ этихъ
фактовъ — воплощеніемъ Христа въ Іудеѣ, опре-
дѣлилось *прошедшее* Израиля — его первона-

чальное назначеніе какъ избраннаго народа Божія; второй фактъ — непризнаніе Христа іудеями и отчужденіе ихъ отъ христіанства опредѣляетъ *настоящее* положеніе іудейства въ мірѣ, его временное отверженіе; наконецъ третій фактъ — вселеніе Израиля въ землѣ славянской, среди народовъ, еще не сказавшихъ міру своего слова, предсказываетъ *будущія* судьбы іудейства, окончательное возстановленіе его религіознаго значенія. Прѣжнее іудейство жило вѣрою и надеждою на обѣтованное Богочеловѣчество; настоящее іудейство живетъ протестомъ и враждою къ непризанному Мессіи Богочеловѣку, *начатку* богочеловѣчества на землѣ; грядущее іудейство будетъ жить полною жизнью, когда въ обновленномъ христіанствѣ найдетъ и узнаетъ образъ совершеннаго богочеловѣчества.

Эта надежда имѣетъ самое твердое основаніе въ словѣ Божіемъ. Іегова предъизбралъ Израиля, заключилъ съ нимъ завѣтъ, далъ ему обѣтованія. Іегова не человѣкъ, чтобы обманывать, и не сынъ человѣка, чтобы раскисаваться въ Своихъ обѣщаніяхъ. Часть народа израильскаго отвергла первое явленіе Мессіи и за то терпитъ тяжелое возмездіе, но только до времени, ибо слово Божіе не можетъ быть нарушено; и это слово Ветхаго Завѣта, рѣшительно подтвержденное въ Новомъ Завѣтѣ устами апостола языковъ, ясно и непреложно гласитъ: весь Израиль спасется.

Іудеи, требовавшіе казни Христа, кричали: «кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ». Но эта кровь есть кровь искупленія. И навѣрно крикъ человѣческой злобы не довольно силенъ, чтобы заглушить слово Божественнаго прощенія: Отче, отпусти имъ, не вѣдятъ бо что творять. Кровожадная толпа, собравшаяся у Голгофы, состояла изъ іудеевъ; но іудеи же были и тѣ три тысячи, а потомъ пять тысячъ человѣкъ, которые по проповѣди апостола Петра

крестились и составили первоначальную христианскую церковь. Иудеи были Анна и Каиафа, иудеи же Иосифъ и Никодимъ. Къ одному и тому же народу принадлежали и Иуда, предавшій Христа на распятіе, и Петръ и Андрей, сами распятые за Христа. Иудей былъ Ѳома невѣрующій въ воскресеніе, и не пересталъ быть иудеемъ Ѳома, увѣровавшій въ Воскресшаго и сказавшій Ему: Господь мой и Богъ мой! Иудей былъ Савлъ, жесточайшій гонитель христианъ, и иудеемъ изъ иудеевъ остался Павелъ, гонимый за христианство и «паче всѣхъ потрудившійся» для него. И что больше и важнѣе всего, Онъ Самъ, преданный и убитый иудеями Богочеловѣкъ Христосъ, Онъ Самъ, по плоти и душѣ человѣческой, былъ чистѣйшимъ иудеемъ.

Въ виду этого разительнаго факта не странно ли намъ во имя Христа осуждать все иудейство, къ которому неотъемлемо принадлежитъ и самъ Христосъ, не странно ли это особенно со стороны тѣхъ изъ насъ, которые, если и не отреклись прямо отъ Христа, то во всякомъ случаѣ ничѣмъ не обнаруживаютъ своей связи съ Нимъ?

Если Христосъ не Богъ, то иудеи не болѣе виновны, чѣмъ эллины, убившіе Сократа. Если же мы признаемъ Христа Богомъ, то и въ иудеяхъ должно признать народъ богорождающій. Въ смерти Иисуса вмѣстѣ съ иудеями повинны и римляне; но рождество Его принадлежитъ лишь Богу и Израилю. Евреи, говорятъ, всегдашніе враги христианства; однако, во главѣ антихристианскаго движенія послѣднихъ вѣковъ стоятъ не евреи, не семиты, а прирожденные христиане арійскаго племени. Отрицаніе же христианства и борьба противъ него со стороны нѣкоторыхъ мыслителей, иудейскаго происхожденія имѣетъ и болѣе честный и болѣе религіозный характеръ, чѣмъ со стороны писателей вышедшихъ изъ христианской среды. Лучше

Спиноза, чѣмъ Вольтеръ, лучше Юсифъ Сальвадоръ, чѣмъ г. Эрнестъ Ренанъ.

Пренебрегать іудействомъ -- безумно; браниться съ іудеями бесполезно; лучше понять іудейство, хотя это труднѣе. Трудно понять іудейство потому, что тѣ три великіе факта, съ которыми связаны его судьбы, не представляются какъ что-нибудь простое, естественное, само по себѣ понятное. Они нуждаются въ особомъ и сложномъ объясненіи. Эти три факта суть вмѣстѣ съ тѣмъ три вопроса, три задачи для разрѣшенія.

1) Почему Христосъ былъ іудеемъ, почему краеугольный камень вселенской церкви взятъ въ домъ израилевомъ?

2) Почему большая часть Израиля не признала своего Мессію, почему церковь ветхозавѣтная не растворилась въ церкви новозавѣтной, почему большинство евреевъ предпочитаетъ быть вовсе безъ храма, нежели войти въ храмъ христіанскій?

3) Зачѣмъ наконецъ и ради чего наиболѣе крѣпкія (въ религіозномъ отношеніи) части еврейства вдвинуты въ Россію и Польшу, поставлены на рубежѣ греко-славянскаго и латинославянскаго міра?

Пусть отрицаютъ или уменьшаютъ значеніе этого послѣдняго факта. Пусть также и относительно второго пункта ненавистники іудеевъ находятъ натуральнымъ, что такой негодный и безсовѣстный народъ отвергъ и убилъ Христа; но тогда пусть же они объяснятъ, почему Христосъ принадлежалъ именно къ этому народу. Съ другой стороны, если находить, напротивъ, понятнымъ первый фактъ — принадлежность Христа къ народу израильскому, который изначала былъ избранъ и предназначенъ для этого, то въ такомъ случаѣ какъ же объяснить, что избранный народъ оказался недостойнъ избранія именно въ томъ, для чего онъ былъ избранъ?

Такъ или иначе дѣло все-таки представляется загадочнымъ и требуетъ объясненія. Начнемъ съ перваго факта и перваго вопроса.

I.

Почему іудейство было предназначено для рожденія изъ него Богочеловѣка, Мессіи или Христа?

Поскольку назначеніе исходитъ отъ Бога, оно есть дѣло безусловной свободы. Но свободу Божественную не должно мыслить наподобіе человѣческаго произвола или пристрастія; истинная свобода не исключаетъ разума, а по разуму такое назначеніе или избраніе, будучи отношеніемъ Бога къ извѣстному предмету, соотвѣтствуетъ не только свойству избирающаго, но и качеству избираемаго. Въ національномъ характерѣ евреевъ должны заключаться условія для ихъ избранія. Этотъ характеръ въ теченіе четырехъ тысячъ лѣтъ успѣлъ достаточно опредѣлиться, и нетрудно найти и указать его отдѣльныя черты. Не этого недостаточно: нужно еще понять ихъ совокупность и взаимную связь. Никто не станетъ отрицать, что національный характеръ евреевъ обладаетъ цѣлностью и внутреннимъ единствомъ. Между тѣмъ мы находимъ въ немъ три главныя особенности, которыя повидимому не только согласуются, но и прямо противоположны между собою.

Евреи прежде всего отличаются глубокой религіозностью, преданностью Богу своему до полной самопожертвованія. Это народъ закона и пророковъ, мучениковъ и апостоловъ, «иже вѣрою побѣдиша царствія, содѣяша правду, получиша обѣтованія» (Посл. къ Евр. XI, 33).

Во-вторыхъ, евреи отличаются крайнимъ развитіемъ самочувствія, самосознанія и самодѣятельности. Какъ весь Израиль, такъ и каж-

дая семья въ немъ и каждый членъ этой семьи до глубины души и до мозга костей проникнуты чувствомъ и сознаниемъ своего національнаго, семейнаго и личнаго Я и стремятся всячески на дѣлѣ проявить это самочувствіе и самосознание, упорно и неустойчиво работая для себя, для своей семьи и для всего Израиля.

Наконецъ, третья отличительная черта евреевъ — ихъ крайній матеріализмъ (въ широкомъ смыслѣ этого слова). Чувственный характеръ еврейскаго міровоззрѣнія выразился символически даже въ ихъ письмѣ (въ этомъ ограниченіи алфавита одними согласными — тѣломъ словъ, тогда какъ духъ словъ — гласныя или вовсе опускаются или обозначаются лишь точками и маленькими черточками). Что касается до житейскаго матеріализма евреевъ, т. е. преобладанія утилитарныхъ и корыстныхъ соображеній въ ихъ дѣятельности отъ египетскихъ сосудовъ и до биржъ современной Европы, объ этомъ кажется нѣтъ надобности распространяться.

Такимъ образомъ, характеръ этого удивительнаго народа обнаруживаетъ одинаково и силу Божественнаго начала въ религіи Израиля и силу человѣческаго самоутвержденія въ національной, семейной и личной жизни евреевъ и, наконецъ, силу матеріальнаго элемента, окрашивающаго собою всѣ ихъ мысли и дѣла. Но какимъ же способомъ въ одной живой индивидуальности совмѣщаются эти противоборствующие между собою стихіи? Что связываетъ религіозную идею Израиля съ человѣческой самодѣятельностью іудейства и съ жидовскимъ матеріализмомъ? Повидимому всецѣлая преданность единому Богу должна упразднить или по крайней мѣрѣ ослаблять и энергію человѣческаго Я и привязанность къ матеріальнымъ благамъ. Такъ мы видимъ, напр., въ индійскомъ браманизмѣ преобладающее чувство божествен-

наго единства приводило религіозныхъ людей къ совершенному отрицанію и человѣческой индивидуальности и матеріальной природы. Въ свою очередь преобладающее развитіе человѣческаго начала — гуманизмъ въ той или другой формѣ — долженъ казалось бы съ одной стороны вытѣснять сверхчеловѣческую власть религіи, съ другой стороны поднимать человѣческій духъ выше грубаго матеріализма, какъ мы это и видимъ у лучшихъ представителей древней Греціи и Рима, а также и въ новой Европѣ.

Столь же яснымъ представляется и то, что господство матеріализма во взглядахъ и стремленіяхъ несовмѣстимо ни съ религіозными, ни съ гуманитарными идеалами. Однако, въ іудействѣ все это уживается вмѣстѣ, нисколько не нарушая цѣльности народнаго характера. Чтобы найти ключъ къ разрѣшенію этой загадки, не нужно останавливаться на отвлеченныхъ понятіяхъ о религіи вообще, объ идеализмѣ и матеріализмѣ вообще, а нужно внимательно рассмотреть особенности іудейской религіи, іудейскаго гуманизма и іудейскаго матеріализма.

Вѣруя въ единство Бога, еврей никогда не полагалъ религіозной задачи человѣка въ томъ, чтобы слиться съ Божествомъ, исчезнуть въ Его всеединствѣ. Да онъ и не признавалъ въ Богѣ такого отрицательнаго и отвлеченнаго всеединства или безразличія. Несмотря на нѣкоторыя мистическія представленія позднѣйшихъ каббалистовъ, несмотря на пантеистическую философію еврея Спинозы, вообще говоря, іудейство всегда видѣло въ Богѣ не безконечную пустоту всеобщаго субстрата, а безконечную полноту существа, имѣющаго жизнь въ себѣ и дающаго жизнь другому. Свободный отъ внѣшнихъ ограниченій и опредѣленій, но не расплываясь въ общемъ безразличіи, сущій Богъ